

*Наталья Васильева*¹

**«ЧТО ВЫ ОСОБАЧИЛИСЬ
НА ПЕСНЮ МОЮ?»
(ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ) ²**

2. Идея национального согласия в самой первой поэме

Со дня опубликования поэмы «Песня о гибели казачьего войска» (1957 год) исполнилось в 2017 году уже шестьдесят лет, а наша критика до сих пор не озвучила идею общепримиряющего начала, представленную в поэме. Когда мы вспоминаем о Павле Васильеве (к слову сказать, достаточно редко), то говорим о расстреле, о лучших стихотворениях поэта. Поэмы, конечно, упоминаем, но читаем в отрывках. Всё больше «Свадьбу»... Об анализе поэм и речи нет. Я буду оригинальной, и, хотя я знаю наизусть «дежурные» строчки — «Стихи в честь Натальи», но не стану их читать, а обращусь к поэмам, потому что Павел Васильев особенно интересен своим эпосом.

В одиннадцать лет в своём первом стихотворении он написал: «На сопки дикие, поросшие густым березняком, на камни острые, седым ручьём разбитые, я свой рассказ принёс», — причём написал не сразу. Вначале было: «я исповедь свою принёс» — зачёркнуто, потом — «я первый стих принёс» — зачёркнуто, и наконец, — «я свой рассказ принёс». Поэт-рассказчик, поэт эпиче-

¹ **Васильева Наталья Павловна** родилась в Омске 10 апреля 1933 года. Почётный член Московской городской организации Союза писателей России, член Российского союза профессиональных литераторов. Дочь, биограф и исследователь творчества выдающегося русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937), президент Рязанского Васильевского общества, хранитель семейного архива поэта. Живёт в Рязани.

² Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах» вып. 3 (50) за 2022 г., стр. 138–147.

ский... Не удивительно, что свою первую поэму он начал писать в восемнадцать лет (1928–1930). И, конечно, о Гражданской войне. Он в ней не участвовал, но он её пережил: война началась в 1918 году, когда Паша пошёл в первый класс в городе Петропавловске (Казахстан). Через десять лет восемнадцатилетний Васильев приступает к поэме. Он знал о войне всё: «Разгромили атаманов, разогнали воевод, и на Тихом океане свой закончили поход». А что стало с атаманами, убежали за кордон или погибли в бою, — какая разница? Но был среди пишущей братии тогда один такой, который пожалел атаманов.

*Ой, хорунжий, идёт беда, / У тебя жена молода,
На губах её ягод сок, / В тонких жилках её висок,
Сохранила её рука / Запах тёплого молока...*

На страницах поэмы ожил враг (казак был объявлен врагом советской власти за то, что в Гражданской войне стал на сторону белых, царя). Уже потому, что враг живой, его жалко. Это было бы понятно, если бы сам Васильев был казаком.

Но доподлинно известно только то, что дед и бабка Васильева батрачили у купца Дерова (он пильщик дров, она прачка). Их сын Николай закончил учительскую семинарию (Семипалатинск). Васильев как потомственный бедняк славит победу Красной Армии в конце поэмы и призывает не жалеть врага — белоказака:

*— Крепче бери стариков на прицел. / Голову напрочь — и брат и отец.
Песне о войске казачьем конец. / Руки протянем над дымом-огнём,
Песню, как водку, из чашки допьём, / Чтобы та память сгорела дотла,
Чтобы республика наша цвела, / Чтобы свистал и гремел соловей
В радостных глотках её сыновей!*

В то же время беспощадности к врагу в поэме не ощущаешь. О гибели целого войска — событии кровавом и трагическом — Васильев рассказывает, не пролив ни капли крови:

*Белогрудый, чалый, быстрый буран,
Чёрные знамёна бегут на Зайсан.
Впереди вороны в тринадцать стай,
Синие хребтины, жёлтый Китай.
Позади, как пики, торчат камыши,
Полк Степана Разина и латыши.
Настигают пули волчий косяк,
Что же ты нахмурился, молчишь, казак?
Поздно коня свёртывать, поди, казак,
Рассвет, как помешанный, пляшет в глазах.*

*Обстужает темень со всех сторон,
Что побитых воронов — чёрных знамён.*

Читатель остро ощущает отчаяние молодого парня, который бежит от родного дома, от семьи на чужбину. Трагический накал достигает кульминации в плаче по погибшим в кровавой войне:

*— Синь солончак и звездою разбит, / Ветер в пустую костяшку свистит,
Дыры глазниц проколола трава, / Белая кость, а была голова,
Сажённая на сажённых плечах, / Пали ресницы, и кудерь зачах.*

Кудерь — принадлежность казачьей причёски. Значит, автор посмел оплакать наряду с красноармейцами и белоказака?! Этому ему не простили — поэма не была напечатана при жизни поэта. И только в 1957 году в первом посмертном сборнике Васильева мы прочли её. К нам пришла дореволюционная Россия, вовсе не горемычная, как мы все думали, а сытая, праздничная, довольная, со всеми своими сказками и чертовщиной.

*— Без уздечки, без седла на месяце востром
Сидит баба-яга в сарафане пёстром...
Едет поп по улице, на лошади чалой,
Идут бабы за водой, бегут девки по воду.
По каким таким делам, по какому поводу?
Бегут девки по воду, с холоду румяные,
Коромысла на плечах — крылья деревянные.*

Купецкая заповка (не без хвастовства):

*— Там живут по-нашему, / В горнях полы крашены,
В пять железных кренделей / Сундуки окованы,
На четырнадцать рублей / Солнца наторговано!
Ходят в горнях песенки / Взад-вперёд по лесенке
В соболиных шапочках, / На гусиных лапочках.*

Как сказал В.Ф. Михайлов (Алматы), в поэме «живо и певуче представлена старая “казачья вольница”». И это любование врагом было явно не ко времени. Васильев совершенно осознанно лез в драку, но цель его была — разнять дерущихся. Вот он пишет:

*— Атаман, скажи-ка, по чьей вине / Атаманша-сабля вся в седине?
Атаман, скажи-ка, по чьей вине / Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?*

Вопрос вроде бы риторический — в самом вопросе и слышен ответ: виноват атаман. Но это только на первый взгляд. А если прочесть внимательно поэму...

— Лесистый, каменный, полынный, / Диковинный край, пустынный.
Разве что под Кокчетавом верблюд / Кричит, / Разве что идет
Плоты по Усолке, / Разве что на них
Петушинные перья костров речных,
Да за Екатерининском у Тары / Волны разводят тары-бары,
Водяные бабы и Урлютюп / Слушают щучий хлюп.
Так тихо, что даже слышен щучий хлюп, и вдруг — всё зашумело:
— На гнедых конях летаем, / Сокликаемся,
Под седой горой Алтаем / Собираемся.
Обними меня руками / Лебединими,
Сгину, сгину за полями / За полынными.

Что случилось? А это солдаты революции — «Полк Степана Разина и латыши» пришли из-за Урала и принесли на своих штыках войну в мирные казачьи станицы. Так Васильев заступает за атамана — не он развязал кровавую драку в стране. Известно, что в 1928 году зимой Сталин поехал в инспекционную поездку по Сибири: Новосибирск, Барнаул, Омск. Вождю не понравился ход хлебозаготовок, он кое-кого снял с должности и распорядился ужесточить раскулачивание, ускорить коллективизацию, это положило начало кровавым событиям в Сибири, а затем и повсюду. У Васильева родители уже тогда жили в Омске, и летом 1928-го поэт сам наблюдал погром, учинённый вождём в станице Черлак и др. Тогда же он приступает к поэме «Песня о гибели...», и там появляются строчки:

— Не гордись, кулацкий сын, сапогами новыми,
Ой, напрасно кулачье бьёт песок подковами:
«Што за нова власть така — раздела и разула.
Ещё живы пока в станицах есаулы!...»

В ответ звучит комсомольская частушка:

— Не желтей, не вянь, камыш, / Выстой под морозами,
Нынче славится Иртыш / Крепкими колхозами.

И дальше:

— Пролегли в станицы к нам / Новые дороги,
А старые есаулы / Все сидят в остроге!

И все довольны вроде бы — и комсомольцы, и сам автор. Но не тут-то было, Васильевский чёрт (в 15-ой главке) «мяучит жалостливые слова»:

— Мы, грит, не каторжные, / Это что ж,
Засевай пшеницу, / Овёс и рожь.

*Засевай пшеницу, / Овёс и рожь,
Отдавай задаром, / Да это что ж? (...)
Почему, откуда, / Как это так —
Для советской власти / Всякий — кулак?*

*— Видишь, в походной кружке / Брага темным-темна.
Будут ещё подружки, / «Яблочко» и веснушки, / Яблони и весна!*

С другой стороны, поэт жалеет белоказака — старая казачка убаюкивает дитя:

*— Спи ты, моё дитяtko, / Маленький-мал.
Далеко отец твой / В снегах застрял,
Далеко-далёшеньки вдалеке, / Кровь у твоего батюшки на виске.*

Павел Васильев (строго по Пушкину) «...милость к падшим призывал» и за это был наказан: и без того короткую жизнь прожил изгоем с клеймом кулацкого поэта и политического врага. Расстреляли его в 27 лет. Но стих его — ликующий и дружелюбный — остался с нами: рукописи не горят!

*— Жёлтые пески, зелёные воды, / Да гусями белыми пароходы.
Да в низинных травах жирные птицы,
Да сытые, вольные казачьи станицы,
Да к гармониям старым новые припевки,
Да золотокожие жар-малина девки. (...)*

*Щок, щок, щибачёк, / Что такое, паря?
Курищавенький казацок / За мною ударил.
Я берёзу белую / В розу переделаю,
У мово у милого / Разрыв сердца сделаю.
А не сделаю разрыв, / Пойдём с милым на обрыв —
Иль в реке утопимся, / Иль в хлебах укроемся.*

Конечно, автора частушек устраивал второй вариант — укрыться в хлебах. Он очень хотел жить — жить долго и счастливо. А для счастья он просил совсем немного: дать ему возможность писать стихи. Но не дали! Оборвали на полуслове...

«Расстрелянный на взлёте» — так и назвал одну из статей в своей антологии «Строфы века» Евгений Евтушенко. В ней он пишет, что Павел Васильев в своих стихах перешёл от трагизма «убиения людей людьми» к христианской молитвенности, убеждающей в необходимости «убережения братства как единственного самоспасения». И сделал этот переход поэт очень скоро: в 1933 году он написал поэму «Соляной бунт», от жестокости которой читатель содрогнулся, а через два года — в 1935-м — появляется

ся стихотворение «Прощание с друзьями», где Васильев просит у всех прощения:

— *Друзья, простите за всё, / В чём был виноват...*

Он готов нести свой крест:

— *Попрощайтесь, попроситесь, дорогие, со мной — я еду
Собирать тяжёлые слёзы страны.*

Более того, он верит в счастливый конец:

— *Будет вам помилование, люди, будет,
Обо мне ж, бедовом, спойте вы...*

Но мы ещё не спели о нём. Долго собираемся.

3. «Эти стаи привёл на Иртыш Ермак...» (поэма «Соляной бунт»)

Неудача первой поэмы «Песня о гибели казачьего войска» была полной — свирепый разгром. Как же?! Пожалел белоказака! Но поэт не оставил казачьей темы. Он решил схитрить — в главе «Грамота» (поэма «Соляной бунт») ведётся рассказ о том, с чего всё началось:

*Эти стаи привёл на Иртыш Ермак.
Вслед за Ермаком двигались купцы:
— Вознесли города над собой — золотые кресты,
А кочевники согнаны были к горам и озёрам,
Чтобы соль вырубать и руду, и пасти табуны.
Казачков же держали заместо дозорных собак
И с цепей спускали, когда бунтовали аулы.*

Идея классової беспощадности была соблюдена. В новой поэме вместо хорового пения «Песни о гибели...» герои персонифицированы: казачий есаул — жених, невеста есаула, степной хан с его роскошным выездом:

— *На лошадях / Разукрашенных, / В рыжем мыле / Аткаменеры
Плясали кругом, / Падали к гривам и, над седлом
Приподнимаясь, небу грозили.
Но смотрите, как смешон сам хан:
— В первой кибитке / Хаджибергенев / Амильжан, / Хозяин,
Начальник, — он / Весь распух от жира и денег / И от покорной
Нежности жён.*

Ещё более беспощаден автор ко второму хищнику — купцу Дерову:

— Мелкотравчатый плут / И главарь столетий;
— На медлительных лапках / Могучая тля...
— Был он, Арсенька, сроду нищий, / Встал на соли —
Соляной король. / Потому что / — Деньгу гнал
— Пять рублей на голову шли, / Тыщу несла голова доходу...

А супруга Дерова — Олимпиада — удивительно хороша:

— Будто свечи жаркие тлятся, / Изнутри освещая плоть,
И соски, сахарясь, томятся, / Шёлк нагретый боясь проколоть.

Но всё это — враги. И потому «Лит. современник» в 1933 году пишет: «Поэзия Павла Васильева связана эстетически и идеологически с казацким собственническим мировоззрением». Н. Степанов, однако, сюжет поэмы «Соляной бунт» учитывает. Кроме казаков здесь и бунтующие степняки:

— И людей многоногий потный вол / Тянет соляные глыбы...

Васильев вводит в поэму второй народ — киргизов, казахов. Ему это сделать было легко, потому что он вырос в Павлодаре на берегу Иртыша, где казачьи станицы перемежались со степными аулами. «Посланец Востока, исповедник таинственного азиатства, степной полиглот», — так величает его Л.А. Аннинский (С.-Петербург, 2007).

Самые трогательные страницы посвящены степному народу:

— Женщины медной, гулкой кожи, / В чувлуках, / Склонившие лбы.
На согнутых спинах у них, похоже, / Вместо детей сидели горбы. (...)
Плыл и плыл полудённый дым. / Молчал Джатак / В соляной петле
Молча сидел под небом родным, / Под ветром родным, / На родной земле.

Но писатель Фёдор Гладков, председательствующий в 1933 году на обсуждении поэмы «Соляной бунт», как будто не читал этих пронзительных страниц. Казачья вольница своим великолепием затмила несчастных степняков. Прочтите в главе «Гульбище»:

— Потом пошли / Осетры на блюдах, / Белопузая нельма, / Язь
И хранившаяся / Под спудом / Перелитая мёдом / Сладсть.
Светлый жир баранины, / Мясо / Розоватых / Сдобных хлебов,
Хмелья скопленные запасы / В подземельях погребов... (...)
Лишь за этой / Едой дремучей / Люди двинулись — / Туча тучей.
Сарафанные карусели, / Ситец, / Бархат / И чесуча, —
Бабы, за руки взявшись, / Пели / И приплясывали, свища... (...)
Позади их / Народ старшинный, / Всё фамилии и имена.
Хвастовство, / Тяжба, / Матерщина, / Володетельность, / Седина.

И потому Гладков заявил, что в этой поэме он ничего не видит, кроме «великодержавной России, сытой деревни, грудастых баб и кованных сундуков». Спустя полвека, когда были сняты все запреты, режиссёр А. Кончаловский-Михалков, восхищаясь васильевскими образами, которые «как его стихи — в темноте светятся», сказал: «Никакой цензуры в образности. Жёстко, как в жизни, страшно, как в жизни».

И действительно, от васильевских «картинок» в «Соляном бунте» мы буквально ёжимся — степь полна могил, а в могилах:

— *Землю грызут беззубым ртом / И киргизы, зарытые сидя,
И казаки, растянувшись пластом...*

И ведь он прав, этот невозможный Васильев со своей азиатской «рожей». Всё это было — это наша история. Вначале джигиты нападали на казацкий острог:

— *Есаула Седых растянули крестом / И везли три корзины ушей
Золочёному хану в подарок.*

Сто лет спустя казак Федька Палый на всём скаку рубит старуху-байбичу:

— *Выкатился глаз старушечий грозен,
Будто бы вспомнивший вдруг о чём,
И долго в тусклом смертном морозе
Федькино лицо танцевало в нём.*

Со страниц поэмы на читателя обрушивается такая жестокость, что он, читатель, физически не может этого выдержать и боится читать страшные строки. А зря. Потому что следом за жестокими строками, убеждающими нас, что смерть нелепа и страшна, идут слова о том, что всё живое хочет жить и боится смерти. Когда «*Волчий косяк / Поповской сволочи / Благословлял / Крестами / Резню*», то:

— *Кони отшатывались / От убоя, / Им хотелось / Тёплой губою
Хватать в конюшенной / Тьме овёс, / Слушать утро / У водопоя
В солнце / И долгим гуденьем ос.*

И даже маленькая травинка изо всех сил тянется к свету:

— *Травы стояли / Суши, когтисты,
Жадно вцепившись / В комья земли.
Травы хотели / Жить, жить!
И если б им голос дать, / Они б, наверно,
Крикнули: «Пить, / Пить хотим,
Жить хотим, / Не хотим умирать!»*

И если читатель отважится прочесть поэму, то выйдет из неё, как из чистилища, с просветлённой душой и твёрдо убеждённый, что убивать грешно. Пусть Федька Палый разрубал надвое старуху-байбичу, но он не сразу стал жестоким убийцей. И у него в жизни было детство. И у него в жизни были рассветы, и лошади убежали туда, «где плещет иконною позолотой ещё не проснувшаяся вода...» — *«Стоит в камыше босоногое детство / и смотрит внимательно на поплавок. / О, эти припевы, куда же им деться / от ласк бессонных и наспанных щёк!»*

Ребятче сознание ещё не вмещает в себя такое понятие, как убийство:

— *А меньшиковское дитё / У отцовских плеч:*

— *Батька, ба, пошто эти сабли? / Куда собираешься?*

— *Кыргызов жечь. / — А пошто? / — По то, что озябли.*

— *Ты бы им шубы? / — Не хватит шуб. — / Дитё задумалось: «Ую-ю! Так ты увези им дедов тулуп, / Мамкину шаль и шубу мою!»*

А через несколько лет мальчишка подрастёт. И вот уже:

— *Откормленные, розовые, / Ещё с щенячьим / Рыльцем казачата*

— *Я те дам! — / Рубили, от радости / Чуть не плача,*

По чёрным, раскрытым, / Оружьем ртам.

Природа в поэме против убийства. Каждый пейзаж, каждый эпизод твердит божью заповедь — не убий! Уже с утра в день сборов в поход вся природа грустит:

— *Пал наутро первый / Крупный жёлтый лист / И повеяло*

Во двory холодком / Обронила осень / Синицы свист, —

Али загрустила / Она о ком? (...)

— *Али есть / Тоска о снегах, о зиме,*

О разбойной той, когда между пнями

Пробегут берёзы по мёрзлой земле, / Спотыкаясь, падая,

Стуча корнями?

Вот казаки едут усмирять бунт, и опять им навстречу

— *Перекаати-поле молча бегут, / Кубарем летят,*

Крутясь на руках. / Будто бы кто-то огромный, немой,

Мёртвые головы катает в степи.

Но ничто не может остановить усмирителей, страшное должно свершиться. Казачество неоднородно:

— *Рядом со знатью, / От злобы косые, / Повисшие на / Саблях косых,*
Рубили / Сырые и босые / Трижды сырых / И трижды босых.

Один из них — Гришка Босой, пожалел казахскую девчонку — не стал её убивать по приказу атамана и зарубил самого атамана. За это Гришку казнят самосудом. А сестра его (жена убитого им атамана) кричит:

— Ой, не надо братца! / Гришенька!
Ми-и-лай! / (Но её подхватили.)
Сердце моё!.. — (Всё дальше и дальше / Относило
Плач её / И хохот её).

Острую жалость вызывают переживания казнимого Гришки, который вспоминает

Песню, / Снежок, / Лето в рогатых / лохматых сучьях,
Небо / В торопящихся тучах... / Шум голубей, / Ягодный сок,
Только что журавлиный косяк... / Руки свои / В чьих-то слабых...

Это меты жизни простого парня, бедняка. Как они дороги его сердцу. Но вот приходит конец всему:

— И в тишине / Пыхтящей, / Без слов,
Гришке на шею / Петлю надели.

Здесь каждое слово страшно и несправедливо. Автор берёт под защиту казачество, спасает его от угрозы забвения, напоминает всем нам, что казаки на протяжении веков были защитниками Отечества. И для этого он обращается к Богу:

— И казалось — / Облачной тенью / Над голосами / И пылью дорог,
Чуждый раздумью / И сомненью, / Грозно склонился / Казацкий Бог.
Вот он — от празднества / И излишка / Слова не может сказать ладом,
И перекатывается отрыжка — Тясячепудовый / Сытый гром.
Ходят его чубатые дети / Хлёстко под кровом / Его голубым.
Он разрешает — гроз володетель — / Кровь и вино / Детям своим.

Самым замечательным в главе «Гульбище» является пролог — в защиту правды в искусстве. Какой бы дискриминации ни подвергался сам автор (известно, что он работал в условиях самой оголтелой травли) — однако всё же выполнил свою сверхзадачу — оставаться свободным в творчестве. Как солдат в бою, отстаивал правду, чем и заслужил своё право на бессмертие.

— Подымайся, песня, над судьбой, / Над убойной треснувшей снедью, —
Над тяжёлой колокольной медью / Ты глотаешь воздух голубой. (...)
И пускай гуляет по осокам / Рыба стрельма, / Птица огнестрел, —
Ты, живая, / В доме многооком / Радуйся, / Как я тебе велел. (...)
Если ж растеряешь / Рыбьи перья / И солжёшь, / Теряя перья, ты —
Мёртвые / Уткнутся мордой / Звери, / Запах потеряв, / Умрут цветы.

Что теперь мы знаем про Павла Васильева? Что его относят к новокрестьянским поэтам — Есенину, Клюеву, Клычкову. Согласна, но всё же и из этого замечательного ряда он «выскакивает» своей тягой к радости и празднику жизни.

«Соляной бунт» — его вторая неудача, которая поэта очень расстроила. Расстроила — не то слово. Привела в отчаяние! Ведь Васильев ожидал успеха, а тут — «казацкое собственническое мировоззрение». Но всё же и это неприятие его поэмы, на которую он так надеялся, не сломала его. Он продолжал писать правду о своём времени. Правду и ничего, кроме правды. Так поэт стал летописцем 30-х годов. П.Д. Поминов (Павлодар, 2009, с. 156–159) пишет: «Самое поразительное, что П. Васильев жил в согласии с собой и у него не было конфликта с эпохой, хотя эпоха не дала ему шанса на естественную творческую самореализацию». Но, несмотря на это, «его потрясающие стихи — это ещё и ярчайший портрет эпохи». Примером может служить поэма «Кулаки».

4. «Нас <...> записали в постылый колхоз, а там всё дохнет и гибнет...»

*Из письма родителей рабфаковца Гришки.
Заметки о поэме «Кулаки»*

Л.А. Аннинский пишет в предисловии к сборнику Павла Васильева (Санкт-Петербург, 2007, с. 11): «Это и есть подлинный Павел Васильев, по лезвию проходящий то сквозь одну, то сквозь другую тему (казаки, кулаки) ...». Итак, следующий васильевский герой, разумеется, отрицательный, после белоказака — кулак. Надо сказать, что в революцию всех имущих — дворянство, купечество, казачество, духовенство, кулачество — частью выгнали в эмиграцию, частью уничтожили, с оставшимися в России поступили строго по Шарикову (булгаковский персонаж): всё отнять и поделить. К 1928 году в России остались последние собственники — крестьяне. Их не трогали — ведь они делали революцию в России вместе с рабочими. Советская власть по-другому называлась — рабоче-крестьянская. Но вот пришёл и их черёд — решено было объединить единоличников в колхозы. Конечно, крестьяне не хотели отдавать в колхоз наделы и скот. Но их никто и не спрашивал.

Это кажется удивительным, но факт остаётся фактом — Павел Васильев единственный из всех поэтов в 1930-е годы написал поэму о насильственном сгоне крестьян в колхоз. Правда, гово-

рят о «Триполье» Бориса Корнилова, но ошибаются: сын кулака Тимофеева собирает под зелёное знамя население «— К атаману Зелёному / Хлеборобов на битву...». А значит, речь идёт о другом периоде нашей истории, когда началась Гражданская война и до коллективизации было ещё очень далеко. В поэме «Триполье» нет даже такого слова — колхоз. А вот в «Стране Муравии» колхоз употребляется. Герой поэмы Моргунок ищет страну Муравию, где он спрячется от колхоза, а в итоге вступает в этот самый колхоз. И счастлив.

В 1933-м году Павел Васильев пишет поэму «Кулаки». Поэма была опубликована в журнале «Новый мир» в 1936 году.

«— Объявили колхоз народу, / А народ кругом супротив».

Уже по этой фразе видно, что поэма «Кулаки» принципиально отличается от «Триполья» и «Страны Муравии». О раскулачивании поэт знал не понаслышке. Он сам читал письмо, которое рабфаковец Гришка получил из дома. Родители Гришки писали: «Нас у всех вместе с конём Васькой и с коровкой Ксюшей, сохой и бороной записали в постылый колхоз, а там всё дохнет и гибнет». Идею этого письма Васильев использовал в своей поэме. Центральным событием в «Кулаках» является сельский сход. Из группы середняков несутся возгласы, из которых видно, сколь велико было сопротивление колхозам.

*— Насчёт налогов туда-сюда, / Колхоза ж действительно не желаем!
— В одинолички слаще жисть, / Можно и порознь жить согласно.
— Среднячество не хотит!*

Богатей Евстигней Ярков решил отдать всё имущество в колхоз, чтобы хотя бы так сохранить своё добро для себя, остаться при нём. Смотрите, какой замечательный список, перечень имущества составил этот рачительный хозяин.

*И он, смирной, / Глазами печалась, / Гривастый, / Потанину не чета,
Вытянул среднему сыну палец: / — Игнатий Евстигнеич, / Читай!
Игнатий, / «Пятистенный, / Железом венчаный / Дом,
После потанинского / Пятый с краю, /
Со всем преимуществом / И добром,
А также двор, амбар и сараи. / А также коней: / Ходившие в паре
Братки, / Воронье от морд до хвоста.
И привозной из Актюбы / Гнедо-карий,
Киргизская вымесь / И тропота. / А также,
Окромя тропоты, / Бабка
И сын её Норов рядом — / Кони, способные для пахоты / И перевозки*

*Чижолых кладов. / И с ними / Не на равной ноге / Рыжая родовая кобыла,
Бившая всегда на байге / Бегунцов Актюбинска / И Баян-Аила.
Коровы две: / Беляна и Милка, / И с Милкою / Годовалая дочь.
Включая сюда — / Запасы пшеницы / Сто один пуд, / Сто двадцать овса,
Включая сюда / Порося и птицу / И пегого на привязи пса».*

В итоге:

— И дождь проливной зерна / Хлынул / На ладони собранью.

Но собрание не хочет принимать кулака в колхоз. (*Утром возле колодца бабы разговаривали <...> А Александр Иванович ему: «Не возъмём: на наших, говорит, загривках строил дом, нашей, говорит, кровью коней поил, из наших, говорит, костей наделал удил. Не надо нам кулацкого в колхоз лисья. Раскулачим, говорит, тебя, Ярков, и вся!»*)

Моя образованная приятельница спокойно спорит: «Раскулачивали немногих, а бедных не трогали». Правда, ей есть оправдание — за её спиной не только высшее образование, но и советские учебники, полные вранья про нашу историю. Но где же душа? Почему она не может понять отчаяние человека, человека добропорядочного, труженика, который построил себе дом и создал своё имущество ежедневным тяжким трудом на земле, которого вдруг выгоняют из дома и отнимают у него всё. А если этот человек протестует, то его отправляют в гиблые места (стихотворение «Обоз», 1934):

— Так всё дальше — к северу, к концу России,

Молча, сквозь небывалый мороз,

Сквозь ветры протяжливые и косые / Передвигался обоз...

И это стихотворение, и поэму «Кулаки» Павел Васильев написал для нас. Он — живой свидетель тех событий, и не верить ему нельзя. И нам надо просто прочитать поэму «Кулаки» и стихотворение «Обоз», чтобы понять, какое страшное преступление совершила власть против своего собственного народа. Это преступление мы называем — раскулачиванием и спокойно говорим о нём, а надо нам всем плакать и горевать по безвинным жертвам. Дети в обозе умирали, не выдержав условий дороги! И мы должны вечно помнить их горемычную судьбу!

V. «Хорошо, что мы нашли друг друга»

После провала «Соляного бунта» Павлу Васильеву было очень тяжело — оплеухи критики следовали одна за другой. Спасала жена Лена, которая всегда была рядом, готовая поддержать, пожалеть. До Лены была Галя — девушка из Омска. Павел Васильев

Павел Васильев
и Галина Анучина

практически никогда не жил один. Он женился очень рано, в восемнадцать лет. В 1928 году, в июне, он встретил свою Джульетту. Ею оказалась Галина Анучина, моя будущая мама. Она была на год младше Павла — семнадцать лет.

Галина только что поступила на 1-й курс Омского художественно-промышленного техникума (Худпром). О регистрации брака не было

и речи — тогда это было несовременно. Кстати, и со второй женой Еленой поэт был в гражданском браке. Надо отдать должное этим женщинам — они преданно его любили, многое ему прощали и очень помогли поэту (каждая в своё время) выжить в той обстановке оголтелой травли, которая была создана вокруг него в Москве. И потому их имена для нас святы.

С Галей Васильев практически большую часть времени был в разлуке, она — в Худпроме в Омске, он с 1929 года в Москве. Сохранились письма, а в письмах стихи. Вот первое стихотворение, найденное в письме Павла к Гале. Оно — о счастливой поре начала их любви. Июнь 1928 года. Их свидания проходят на берегу Иртыша: «Гале Анучиной».

*— Так мы идём с тобой и балагурим. / Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
Слетают голуби и облака. (...)
И самой лучшей из моих находок / Не ты ль была? Тебя ли я нашёл,
Как звонкую подкову на дороге, / Поручку счастья? Грохотали дроги,
Устали звёзды говорить о боге, / И девушки играли в волейбол.*

Сам поэт считал это стихотворение пустячным и никогда его не включал в свои сборники, но я не согласна. Стихотворение прекрасное, и замечательна реминисценция — «устали звёзды говорить о боге...» (Лермонтов). Следующее стихотворение было написано в августе 1928 года. Влюблённые расставались — Павел уезжал в сибирское путешествие.

*— Чайки мечутся в испуге / Я отъезду рад — не рад. —
Мир огромен, / И подруги молча вдоль него стоят. (...)
Ты прощай, прощай, любезный, / Непутёвый город Омск,
Через реку мост железный, / На горе высокий дом,
Ждёт на севере другая, / Да не знаю только, та ль?
И не знаю, дорогая, / Почему тебя мне жаль?*

(«Расставанье с милой». Напечатано в 1933 году).

Однако та, другая, на севере, не дождалась — поэт вернулся к Галине и написал ей в письме в ноябре 1930 года: «— *И имя твоё, словно старая песня, / Приходит ко мне. Кто его запретит?*». В самом деле, кто может запретить? Раз он сам понял, что ему нужна именно она, Галяна. Он зовёт её к себе в Москву (Галя не может приехать, она в Омске, учится в техникуме).

— *Подойди же ко мне. Наклонись. Пожалей!*
У меня ли на сердце пустая затея,
У меня ли на сердце полынь да песок, / Да охрипшие ветры!..

Ему плохо одному, и только в Гале он видит спасение:

— *Красно солнышко падает в синее море,*
И — за пазухой прячется ножик-злодей,
И — голодной собакой шатается горе...
Если всё, как раскрытые карты, я сам
На сегодня поверю, — сквозь вихри разбега,
Рассыпаясь, летят по твоим волосам
Вифлеемские звёзды российского снега.

В 1931-м Галя, наконец, получив диплом, приезжает в Москву — наступает мир и покой, когда к стихам не тянет. И стихов не стало. В конце 1932 года они снова появились, но это были уже другие стихи:

— *Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,*
Дай мне руку, а я поцелую её.
Ой, да как бы из рук дорогих не упало
Домотканое счастье твоё.
Я тебя забывал столько раз, дорогая,
Забывал на минуту, на лето, на век —
Задыхаясь, ко мне приходила другая,
И с волос её падали гребни и снег...

Галя не читала этих стихов. Но между нею и Павлом появилась недоговорённость. Им стало тяжело вдвоём. И поэт пишет об этом (Москва. Кунцево. Сентябрь 1932-го):

— *Надо забыть о том, что нам с тобою тяжело,*
Надо услышать птичье вздрогнувшее крыло,
Надо зарю дожидаться, ночь одну переждать,
Фет ещё не проснулся, не пробудилась мать.
Лёгким весёлым шагом ходит по саду дождь,
Утренняя по телу перебегает дрожь,
Утренняя прохлада плещется у ресниц,
Вот оно утро — шёпот сердца и стоны птиц.

(Это ещё один ремейк — Фет). В декабре Павел везёт жену в Омск — Галя на 6-м месяце беременности. Месяц он живёт в Омске, потом возвращается в Москву. Галя провожает его до перрона вокзала, ещё не зная, что он едет к другой.

Но он-то знает!

*— По снегу сквозь темень пробежали / И от встречи нашей за версту,
Где огни неясные сияли, / За руку простились на мосту.
Шла за мной, не плача и не споря, / Под небом стояла, как в избе,
Тёплую, тяжёлую от горя, / Золотую притянул к себе.*

Живя на Палихе, Павел грустит по Гале. Одно за другим появляются три стихотворения, где он вспоминает омскую любовь. Самое замечательное — первое — об иртышских свиданиях.

*— Вся ситцевая, летняя, приснишь,
Твоё позабываемое имя
Отыщется одно между другими,
Таится в нём немеркнувшая жизнь.*

Из второго стихотворения:

*— Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю,
В стране какой и при луне какой,
Весёлая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.*

Но самое интересное — третье стихотворение:

*— Когда-нибудь сощуришь глаз, / Наполненный теплыню ясной,
Меня увидишь без прикрас, / Не испугавшись в этот раз
Моей угрозы неопасной... (...)
Свидетельствую, ты меня / Опутала, как мне хотелось,
Опутала, как вьюн в цветку / Опутывает тело дуба.
Вот почему, должно быть, чту / И голос твой, и простоту,
И чуть задумчивые губы... / И тот огонь случайный чту,
Когда его кругом так мало...*

Многие считают (и даже пишут), что поэт имеет в виду чувственный огонь. И ошибаются. Чувственного огня в нашей жизни сколько угодно, немерено (инстинкт продолжения рода самый мощный из всех). А мало другого огня — огня души. Мало поэзии, высоких помыслов, самоотдачи. А у Гали это было, и пронизательный муж всё увидел и отметил в своих стихах.

12 августа 1934 года в газете «Известия» публикуется стихотворение «Иртыш». Типичное для Васильева «километровое» стихотворение. Оно патриотично и славит просторы родного края.

— Камыш высок, осока высока, / Тоской набух тугой сосок волчицы,
Слетает птица с дикого песка, / Крылами бьёт и на волну садится.
Река просторной родины моей, / Просторная, иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплёскивай язёй, / Князь рыб и птиц, беглец зелёноводый.

И в конце стихотворения мы читаем прощание с Галиной, покаяние перед той, которую когда-то он так жестоко оставил на берегу этой реки.

*Я б с милой тоже повстречаться рад:
Вновь распознать, забытые в разлуке
Из-под ресниц позолочённый взгляд, / Её волос могучий пережат
И зноем зацелованные руки. / Чтоб про других шепнула: «Не вини»,
Чтоб губ от губ моих не отрывала, / Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржах печально зажигала,
Чтобы Иртыш, меж рек других скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слёз на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны.*

Жаль Галю, но ничего не поделаешь. Обстоятельства были не на её стороне. Что было делать Павлу? Бросить Москву? Уехать в Омск и там «вить гнездо»? Это было бы смерти подобно, ведь весь смысл жизни был у него в другом: он мечтал стать первым поэтом Страны Советов. Такое было возможно только в том случае, если бы он остался в Москве. И он остался... С Леной... На Палихе. Конечно, отец понимал, что поступает подло. Но... стихи пересилили.

Он уехал в Москву, оставив решение своих семейных проблем на потом. Лена подчинилась ситуации, не требовала разрыва с Галей, терпела до времени такое положение. А что же Галя? Она, конечно, страдала — её оставили самым безжалостным образом. Но всё же, расставшись с мужем, она осталась для него светлым ангелом. Её страдания были вознаграждены самыми пронзительными стихами в её честь — всего двенадцать стихотворений! До последнего она верила его письмам, которые он не переставал ей писать и в которых он уверял, что любит только её. И даже в последней своей (предсмертной) поэме «Христоробовские ситцы» отец вспоминает о маме:

Елена Вялова
и Павел Васильев

— От свежака пенноголова, / Вода шаталась не спеша,
Густого цвета золотого, / И даже в пригоршне ковша
Она ещё была медова... / Она ещё была, как ты,
Любимая! / Забыто имя — / Не оттого ль в горчичном дыме,
По-псиному разинув рты, / Торчком, / С глазами кровавыми
Восстали поздние цветы!

Итак, эстафету перехватила Елена Вялова — теперь она обеспечивала тылы. Странно, что папа с мамой так и не расстались — отец этого не хотел. Уже в 1934 году он писал в очередном письме: «Галюсик, верь не верь — несмотря ни на что я всё-таки только тебя одну люблю, и рано или поздно (я постараюсь поскорее) мы будем вместе». Ну как можно таким словам не поверить. И мама поверила. И ждала.

Семья Васильевых поначалу тоже надеялась, что Павел «образумится». Когда поэт привёз в Омск Лёну в 1934 году, был страшный скандал. Николай Корнилович выгнал их с Лёной из дома со словами: «У меня одна сноха — Галина». Во второй их приезд (1936 год) дед утихомирился. Позже, в 1956 году, Елена Александровна говорила мне: «В 1936-м у нас с Пашей всё уже было хорошо». Охотно верю. И всё же Галину никто не собирался вычёркивать из семьи. Вот я читаю книгу Сергея Поварцова «Всё прошлое с нами». В ней на с. 59–75 очерк «Судьба учителя» о том, как в 1942 году мой дед Николай Корнилович Васильев был расстрелян по приговору Ново-Сибирского областного суда. Расстрелу предшествовал арест в ноябре 1939 года, на котором случайно присутствовала я. Мне было тогда 6 лет. Я только помню, что зажёгся свет и по комнатам ходили чужие люди. Сохранился документ, где дед даёт сведения о семье, в том числе называет «Павла и его двух жён — Галину Анучину и Елену Вялову...».

Елена Вялова стала женой Павла Васильева в час его славы — и вдруг всё рухнуло после печально знаменитой статьи М. Горького «Литературные забавы». И эта блестящая москвичка, не испытывавшая недостатка в поклонниках, осталась с мужем-изгоем, когда от него отвернулись все. Она любила его. В эти трудные дни славы и гонений она была рядом. И Павел с благодарностью пишет ей своё супружеское послание:

— Слава Богу, / Я пока что собственность имею:
Квартиру, ботинки, / Горсть табака. / Я пока владею
Рукой твоею, / Любовью твоею / Владею пока.

В стихотворении ощутимы властные нотки: «— Ты — моё имущество, / Моё поместье, Здесь я рассадил / свои тополя». Но Васильев не был бы Васильевым, если бы поступил иначе. Ведь

даже воспевая красавицу, на которую он не имел формально никаких прав, поэт спешил показать, что она подвластна ему, что уж тут говорить о жене:

— Спи, я рядом, / Собственная, живая,
даже во сне мне / Не прекословь.

Ещё раньше, в 1935 году, Краснопресненский суд г. Москвы приговорил Павла Васильева к 1,5 годам исправительно-трудовых лагерей за «избиение комсомольского поэта Джека Алтаузе-на». Как считает Н.И. Кузнецова (Павел Васильев, С.-Петербург, 2007 г.), обвинение было спровоцировано тем же Джеком Алтаузе-ном и его друзьями.

После многих мытарств отец попал в Рязанскую тюрьму, где с ним обращались хорошо и дали ему возможность написать целых три поэмы: «Принц Фома», «Женихи» и «Христоробовские ситцы» (Часть I). Елена Александровна навещала его в тюрьме и говорила нам, что он там даже поправился. И отдохнул. И послал Елене маленькую записку в тот дом, на фасаде которого сейчас мемориальная доска со скульптурным портретом — бюстом Павла Васильева. (Декабрь, 1935, Рязань):

— Чтоб долго почтальоны не искали,
Им сообщу с предсумрачной тоской:
Москва, в Москве 4-ая Тверская, / Та самая, что названа Ямской.
На ней найди дом номер 26 — / В нём, горестном, квартира 10 есть.
О, почтальон, я, преклонив колени, / Молю тебя, найди сие жильё
И, улыбнувшись Вяловой Елене, / Вручи письмо печальное моё.

Последнее своё стихотворение Павел Васильев написал в кабинете следователя на Лубянке, уже будучи арестованным в 1937 году (ему позволили). В 1956-м тот самый следователь, И.И. Илющенко, передал это стихотворение Елене Александровне, вернувшейся из ссылки в Москву, и сказал, что стихи эти посвящены ей.

— Снегири взлетают красногруды... / Скоро ль, скоро ль, на беду мою
Я увижу волчьи изумруды / В нелюдимом северном краю.
Будем мы печальны, одиноки / И пахучи, словно дикий мёд.
Незаметно всё приблизит сроки, / Седина нам кудри обовьёт.
Я скажу тогда тебе, подруга: / «Дни летят, как по ветру листьё,
Хорошо, что мы нашли друг друга, / В прежней жизни потерявши всё...»
(Февраль 1937, Лубянская внутренняя тюрьма).